

A movie poster for 'Project: The Inverted'. The central figure is a soldier in camouflage gear, wearing a head-mounted display with glowing green eyes. He holds a large, ornate sword with a glowing blade. In the background, there are several alien creatures: a large blue winged creature, a purple ghostly figure with glowing eyes, and a mechanical drone with red eyes. The scene is set in a dark, misty forest.

АНДРЕЙ ЗЕМЛЯНОЙ

**ПРОЕКТ
«ОБОРОТЕНЬ»**

Андрей Земляной
Успеть до радуги
Серия «Странник», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Лениздат»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168785
Проект «Оборотень»: Лениздат; Санкт-Петербург; 2007
ISBN 978-5-9942-0074-2*

Аннотация

Он Защитник. Он погиб на Земле, сражаясь с воинством Тьмы. И возродился снова. Правда, планета другая и тело совсем другое. Но умения-то никуда не делись...

И он по-прежнему защищает людей. Но теперь ему предстоит помочь целой империи. Помочь в войне людям, которые не воевали уже несколько столетий.

Теперь он Хранитель империи. Пусть трепещут враги, ибо смерть их близка. Она уже совсем рядом.

Андрей Земляной

Успеть до радуги

*Всем моим друзьям, а врагам в особенности,
посвящаю*

Я стоял, тупо глядя на высокого статного офицера в белоснежной форме, поделенного на квадратики не то сеткой, не то решеткой. Его лицо, выбритое так, что оно лоснилось в свете рожков бра, кого-то отдаленно мне напоминало, но кого именно как-то не вспоминалось. Я сдвинулся немного в сторону и с удивлением отметил синхронность движения человека, стоявшего напротив. И тут же ощутил противную жесткость стоячего воротничка и углов парадного кителя. Со мной такое бывало. Я часто мог ощутить то, что чувствовал человек, которого я вижу, мог, пробиваясь через все «не может быть» и «не бывает». Я медленно поднял руку, наблюдая, как незнакомец напротив повторяет мое движение. И тут вместо тепла чужой руки моя рука встретила прохладное стекло. Странно, но эта прохлада заставила меня отдернуть руку, будто от удара током.

Я зажмурился так, что выдавил слезинку из-под века. Открыл глаза. Ничего не изменилось. Снова поднял руку. Она двигалась, словно ватная. Было полное ощущение, будто я напялил на себя чужое тело вместе с одеждой. А одежда...

Не могу про себя сказать, что знаю абсолютно все виды

форм и мундиров военных и военизированных подразделений, но одно я мог сказать точно. Это была не форма какой-то неизвестной мне Мухосранской Национальной Гвардии. Отсутствовали характерная для этих армий аляповатость мундира и огромное количество разных медалек и побрякушек за различные «героические» деяния, типа орденов «Три дня без запоя» или «Сифилис – десятый заход».

Треугольные удлинённые погоны бледно-голубого цвета, заползающие острием на рукава, и на них большая серебряная эмблема: двойной ромб. На голове странная комбинация из пилотки и фуражки. Пилотка с козырьком или, скорее, фуражка пирожком. Безвестный творец шапки-ушанки – просто Пьер Карден по сравнению с автором этого кошмара. Я провел рукой по материалу, ощущая его странную, гладкую шероховатость и посмотрел вниз. Потрогал рукой. Сапоги, видимо, из пластика, уж точно не из кожи. Короткие шнурованные сапоги светло-коричневого цвета. Если б не материал, то сапоги как сапоги. Я вновь вернулся к осмотру кителя. Многочисленные знаки различия говорили о развитой иерархии. В общем, это была простая, в меру практичная форма нормальной крупной армии абсолютно неизвестного мне крупного государства. Вот так. Да и черт с ней, с формой. А лицо... Лицо-то свое я где потерял?

Я вновь поднял руку и внимательно ощущал то, что теперь было моим лицом. Не было ни малейших следов шрамов или швов, оставшихся от пластических операций. Нет даже под-

кожных уплотнений, которые остаются после любой пластики. Если была операция, то я где-то потерял весьма приличный кусок своей жизни. Вот блин...

Похоже, у меня случилось тривиальное выпадение памяти вследствие медикаментозного или травматического шока. Кстати о голове, – я потрогал ее – вроде бы она была в полном порядке, хотя и побаливала. А вот собственную внешность я, видимо, все-таки подзабыл. Какая-то странная форма шока. Я сфокусировал взгляд на своих руках, быстро ощупал языком полость рта и тут понял – все это было НЕ МОИМ!

Голова перебирала различные объяснения происходящего, но все они не выдерживали серьезной критики. Пожалуй, самой удачной мыслью было наведение искусственной реальности. Вот только такой аппаратуры не то что у американцев, даже у нас пока не было.

Последнее, что я помню из прошлой жизни – это мой непонятный попутчик и невероятный перстень. И все. Дальше – только черный коридор, упирившийся в этот вот клет.

Ладно, ковыряться все равно особенно не в чем, хотя...

Я сунул руки в карманы и по очереди вывернул их вместе с содержимым. Рассматривая кучу барахла на полу, я почувствовал, как отвратительно пересыхает в горле.

Плохо не то, что в моих карманах были предметы абсолютно неясного мне назначения, в конце концов в мире пол-

но вещей удивительных. Ужасно, что я не понимал ни буквы из написанного на них. Скажите, сколько языков вы знаете? Один? Два? Десять? Держу пари, даже если один, вы всегда сумеете опознать хотя бы шрифт письма. Их вообще-то совсем немного. Я хорошо знал восемь языков и мог объяснить еще на шестнадцати. Но тут был текст, написанный абсолютно неизвестными мне знаками. Я выудил из груды вещей жесткую металлическую карточку размером с ладонь, на которой были какие-то вдавленные точки и полоски явно кодового назначения. Причем одна эта карточка служила, видимо, ключом от многих дверей с различными системами распознавания. Еще здесь были кусочек ткани вроде носового платка, но с красиво вышитыми по всему полю крылатыми чудищами, нечто вроде зажигалки, такая блестящая штучка с кнопочкой, и несколько неидентифицируемых предметов, вообще ни на что не похожих. Например, простой цилиндр из полупрозрачного материала с контактной группой на торцевой части... Сомнений быть не могло. Здание бомбили. Прислушавшись повнимательнее, я сделал еще одну поправку. По тому, как гулко и протяжно ухали разрывы, стало ясно: сижу я в бомбоубежище или бункере. И взялся за него, видимо, на совесть. Тут как раз садануло так близко, что у меня на мгновение потемнело в глазах от низкочастотного удара. Я инстинктивно отдернул голову от прохладного кафеля стены и отошел в сторону.

Надо было принимать решение. И хотя оставаться здесь

было опасно, снаружи тоже никто пряников не обещал. Я уже сделал несколько шагов в сторону двери, как почувствовал нечто, надвигавшееся сзади.

Сработала доведенная до состояния безусловных рефлексов многолетняя выучка. Преодолевая сопротивление чужого тела, я прыгнул в сторону и ушел под прикрытия опорной балки, выглядевшей, как торчавший из стены кусок старой перегородки. Уже в прыжке, повернув голову в сторону неведомой опасности, я увидел, как медленно, черными трещинами вспухает стена, а ее куски неторопливо, словно всплывая, двигались в мою сторону.

Я плыл в легкой зеленой воде, полной светлых, искристых пузырьков. И мягкое движение этой воды было невыносимо приятно. Она ласкала все мое тело, двигаясь неслышными струями от головы к ногам. И звуки были такие, словно серебряные колокольчики позванивали на ветру. Один из колокольчиков был так близко, что мне захотелось потрогать его руками, такой он был славный. Но вдруг что-то забухало и зашумело, и все пропало. И вода, и колокольчики... Я подумал, что спугнул их, и сожалея, об этом, вновь заскользил в липкую черную трясику, пока не провалился совсем.

Неудобство. Что-то мешало лежать в черном безмолвии. Я рассердился так, как сердился очень редко. И решил наказать того, кто мешал мне отдыхать. Черный туман полетел

ключьями. Сначала робко, словно сквозь черную ткань, а затем все ярче и ярче свет стал пробиваться откуда-то сверху. Титаническим усилием воли я напрягся и... открыл глаза.

Склянки, банки, куча приборов на блестящих полированной сталью столах, зеленые занавесочки... И мое несчастное тело в коконе из поводков и трубочек, идущих от меня ко всем этим баночкам и приборам. Спасибо, хоть к занавескам не подключили... Скосив глаза вправо, я увидел полуоткрытую дверь. И стал свидетелем того, как оголтелая банда, иначе не назовешь, женщин в серых комбинезонах влетела в палату. Часть из них стала совершать какие-то манипуляции с приборами, а другие выкатили из-за ширмы, которую я ошибочно принял за стену, агрегат на колесиках и что-то лихорадочно стали там накручивать.

Этот праздник жизни продолжался, пока кто-то из дамочек не наткнулся глазами на мой осмысленный взгляд. Что тут началось – вообще передать невозможно. Это было больше всего похоже на поиски крысы в женском колледже. Они галдели, размахивая руками, как ветряки, пока в комнату не вошла молодая и очень красивая белокурая женщина в глянцево темно-синем комбинезоне. Мгновенно все стихло. Она что-то негромко сказала, и весь этот птичий двор буквально вынесло прочь из палаты.

Она подошла. Я заметил, как мягко и ритмично она ходит, словно внутри у нее постоянно звучала музыка. Затем женщина что-то сказала. Вдруг я понял, откуда в моей голо-

ве звучали колокольчики. Голос ее был словно переливы серебра. Мягкий, певучий и легкий, будто лесной родничок. И еще глаза с красивым миндалевидным разрезом, удивительного изумрудного цвета. . . Потом она неожиданно мягко улыбнулась и вновь что-то сказала. Лицо ее было так близко, что я неожиданно для себя захотел его коснуться. Но опутанная медицинскими системами рука не хотела повиноваться. Продолжая смотреть ей в глаза, я начал собирать силы, концентрируя их сначала в кончиках пальцев, а затем разгоняя вверх. Раскаленные добела огоньки побежали вверх от ладони к плечу, и дряблые, словно гнилые, мышцы стали потихоньку наливать сталью. Рука горела, словно ее опустили в кипяток. Медленно, по миллиметру она начала двигаться, удерживающие ее ремни натянулись. С дробным, скрипучим хрустом пластик лопнул, и высвобожденная рука поднялась к ее круглым от удивления глазам и осторожно коснулась бархатистой кожи щеки.

Так начался второй акт моего пребывания в этом мире.

Нет худа без добра.

Травмы, которые я получил при взрыве фугаса, в какой-то степени делали объяснимыми мою амнезию. И незнание языка, и всего того, что наполняло их мир. Я познавал новую реальность с чистого листа, как младенец, и Рат Са помогала мне в этом. Она была начальником госпиталя и по совместительству занимала пост главного специалиста по реабилитационным мероприятиям. И, надо сказать, благодаря

этому или чему-то другому поправлялся я довольно быстро. Так же неплохо дело обстояло и с языком. Сказать по правде, если бы не мои ночные бдения, поправлялся бы я куда быстрее. Но язык – всему голова. И по ночам я продирался через их четырнадцать форм времен и зависимые глагольные корни, как носорог, не забывая при этом о произношении и акцентах.

Я, кажется, сказал, что главное – язык? Было еще кое-что. География, геология, геополитика, история, современное состояние науки и техники, все аспекты биологии. Политика, правительственные и военные организации, структура армии, разведки и контрразведки, транспорт и связь. Я что-то упустил? Ах да, конечно, разнообразные мелочи типа быта, обычаев и общественного устройства.

И еще о бдениях. Ребенок познает мир многие годы. У меня, к сожалению, столько времени не было. А сколько было, я просто не знал. Все было бы очень печально, не будь в этом мире Сети. Ночью, когда я мог добраться до терминала, не боясь быть застигнутым врасплох, я, как голодный волк, рыскал по всему ее пространству в поисках информации. Меня интересовало буквально все. И это «все» я получал в таких объемах, что наутро моя голова гудела, как перегруженный трансформатор, пытаюсь переварить этот ви-негрет. Хорошо, что мозги, где теперь проживал мой разум, обладали весьма высокими операционными возможностями. Я не раз и не два возносил хвалу местным богам за то, что

не оказался, например, в шкуре местного идиота или в каком-нибудь разумном кактусе. Совершенно ясно, что в таком случае большая часть моей личности была бы безвозвратно потеряна. Не знаю, как у других, а у меня очень многое связано с психомоторикой. И окажись местное население шестируким или трехногим, боюсь, я потратил бы большую часть своей новой жизни только на адаптацию. Если бы вообще смог выжить. Рефлексов прежний владелец тела мне тоже не оставил. Но, видимо, перемещение моего разума на новое место прошло все же не слишком гладко. Постоянные головные боли и странного вида сыпь, которая появлялась и исчезала буквально в считанные минуты, и еще целая куча проблем с координацией движений...

К счастью, аборигены были двурукими, двуногими и пятипалыми. Вообще мое новое тело незначительно отличалось от старого. Парень, койку которого я занял, был при жизни чуть рыхловат, хотя и моложе меня лет на тридцать. В остальном мы были на редкость похожи. Он был повыше меня, и у него был такой же цвет волос. Сложнее всего оказалось привыкнуть к иным, чем у меня, пропорциям тела. Его руки были чуть короче, а ноги немного длиннее. Другая проблема заключалась в том, что пролежавшее, оказывается, около трех месяцев в коме его – наше – мое тело было в совершенно ужасном состоянии. Я мог двигаться только при поддержке медсестры, подволакивая ноги и раскачиваясь при ходьбе, как столетний дед.

Но были и плохие новости. Огромный сегмент моей памяти, видимо все то, что находилось, так сказать, «на внешних носителях», был безвозвратно утерян вместе с потерей родной ноосферы. Только бесполезный теперь перечень потерь. Ну, что ж, за все приходится платить. Наверно, это и была моя плата за вторую молодость.

Настоящий сюрприз поджидал меня, когда я как-то ночью приковылял к раскрытому окну глотнуть свежего воздуха. Небо, обычно затянутое плотной пеленой, неожиданно раскрылось. В разрыве облаков что-то вдруг засияло таким ярким светом, что я невольно зажмурился. Снова открыв глаза, я увидел такую невероятную россыпь огней, словно в небе вырос огромный город. Я не сразу понял, что это всего лишь звезды. У меня на родине небо было тоже не беззвездным. Но моя планета находилась на краю галактики, и бело-голубые точки звезд были весьма скромным украшением нашего небосвода. Здесь все было совсем по-другому. Стало понятно и практически полное отсутствие ночной темноты, и странный, переливчатый, отливающий жемчугом цвет неба. Звезды, огромные, как мячики, и маленькие, будто булабочные головки, сияли яркими разноцветными огнями так низко, что, казалось, их можно достать – только руку протяни...

Меня теперь звали Ша Гранг. Калтор Ша Гранг ирри-

сант Каррох. То есть в доступном варианте – майор де Гранг из рода Каррох. Был я, оказывается, отпрыском весьма почтенной семьи, отдавшей восемнадцать поколений Императорскому Флоту. Правда, за многочисленные грехи я стал в некотором роде изгоем, так как по своей воле ушел из Флота в только что создающиеся десантные части авиации, и вообще здорово нашалил.

И конечно, самые занятные новости о «себе» я узнал из газет во время одной из моих ночных прогулок по Сети. Ушедший был, оказывается, не просто командиром отдельного подразделения воздушно-десантных войск. Как я бы сказал, своего рода части специального назначения. До того за ним, а теперь, стало быть, за мной числились различные подвиги и героические деяния весьма специфического свойства.

Вот показательный эпизод. Соблазнение юной жены ти алго{Двухзвездный генерал} Кахи. В ходе последовавшей за этим инцидентом безобразной сцены в офицерском казино, рогатый генерал попытался ударить Ша Гранга кортиком, но промахнулся и попал в распределительный электрощит. Безутешная вдова генерала прямо с церемонии погребения удалась на один из модных курортов тосковать о безвременно погибшем муже, а Ша Гранга уже поджидала другая история. На сей раз это была сестра одного из крупных промышленников, с которой последний поддерживал далеко не братские отношения. Впрочем, подобное было вполне в рамках

их морали, если только не выплескивалось на общественное обозрение. Рыженькая Ли А, находясь в комфортабельном номере одной из гостиниц Столицы, как раз непринужденно обсуждала с молодым офицером вопросы подготовки сержантского состава, когда туда зашел ее брат. Почему-то с ружьем крупного калибра. Вероятно, хотел получить консультацию специалиста. Но оружие по невыясненной причине взорвалось в руках у промышленника. И оставил он на память о себе роскошный склеп и еще одну безутешную миллионершу. Потом было еще много подобных происшествий, но результат был всегда один. Назойливые мужья, отцы, братья, любовники и просто бескорыстные радетели за поруганную честь невинных девушек самым nepостижимым образом получали увечья или погибали в ходе попыток восстановления этой самой чести. В общем, та еще репутация. За что, по официальной версии, «я» был отлучен от семьи, лишен родовых регалий и наследства.

Дворянство у Ша Гранга, впрочем, никто не отнимал, ибо майорские погоны давали его *Ipso facto* {Самим фактом (*лат.*).}. Во всяком случае, мне не грозило посещение родственников и просмотр семейных фотографий. Женой и детьми я, кстати, тоже не обзавелся. Правда, имела место быть некая невеста. Кто была эта, без сомнения, достойная девушка, я как-то не желал знать.

К началу войны Ша Гранг был ти ардан (капитан-лейтенант) на одном из крейсеров Его Императорского Вели-

чества Военно-морского флота, и командовал ротой морской пехоты. По официальной версии, в ходе бессмысленного морского десанта на побережье Игинцар, когда их бросили подыхать на безнадежном плацдарме, он с горсткой солдат и сержантов пробился из двойного кольца окружения со станковым гранатометом наперевес, и оставляя за собой горы трупов. При награждении участников десанта в штабе морской пехоты случилась безобразная сцена.

Он пришел туда... Пришел в штурмовом снаряжении, пахнущем гарью и кровью, и в сопровождении солдат, которые отныне верили только ему. Для начала он набил морду начальнику штаба и адмиралу, отдавшему приказ о десанте. А потом, под оркестр и телекамеры, похоронил ящик с наградами на городском кладбище...

Естественно, властям такой офицер был неудобен. Слишком уж он отличался от официально-парадного портрета, рисуемого пропагандой. Но война не тетка, и его направили с повышением на самый гнусный пост, который только смогли отыскать. А конкретнее, не успели стихнуть фанфары в честь его возвращения и погаснуть телесофиты, как свежеспеченный майор оказался командиром бригады, сформированной из всяческого мусора. Его подопечные были в основном те, кто успел добраться до призывного пункта раньше, чем до них добралась Мисс Правосудие и смогла дотянуться Мадам Юстиция. За относительно короткое время он сумел превратить толпу голодранцев в первоклассное подраз-

деление. Несмотря на высокую боевую эффективность, писали о нем очень мало. Хотя время от времени кое-какие заметки все-таки появлялись. Ну вот, например. Внизу полосы, мелким шрифтом: там-то и там-то была проведена войсковая операция с участием таких, сяких и 472-й отдельной дассы воздушной пехоты. Просто и без изысков.

Посмотрев на дату последней заметки, я грустно вздохнул. Больше из этого источника ничего не выудишь. Ровно через семь дней после этого события разум майора Ша Гранга расстался с грешным телом, а я занял его место. Где сейчас мечется его любвеобильный и воинственный дух?

Почти всегда моей постоянной спутницей в прогулках по обширному госпитальному парку и примыкающему лесу была медсестра. Звали ее Эрна. Это была веселая и немного застенчивая девушка. Ее почти медно-красного цвета кожа и смарагдовые глаза в сочетании с рыжими волосами и телом, тугим и тонким, словно тетива лука, делали ее совершенно неотразимой. Она ходила ломкой порывистой походкой, и все ее движения напоминали огонь на ветру. И язычок у девушки, острый словно бритва, был ей под стать. Она называла меня Риди, что на местном языке означало «потерянный» или скорее «забытый в суматохе». Во время наших променадов она рассказывала о своем детстве на ферме родителей, о том, как поступала в медицинский колледж, и о своем женихе, враче одного из военно-полевых госпиталей.

В ее рассказах доставалось всем. Знакомые, друзья и коллеги с ее слов напоминали альбом с шаржами. Дружескими и не очень. Единственно, о ком она говорила серьезно и с большим уважением, так это о своем отце, который, как я понял, занимал видное место в администрации Императора. Сама же Эрна была раскованной только на словах, и этим резко отличалась от всех остальных. Другие врачи, медсестры и пациенты вполне открыто уединялись со всеми, кто их интересовал в плане сексуального партнерства, причем без каких бы то ни было выяснений отношений. Просто каждый спал, с кем ему нравится, и все. Но Эрна почему-то не делала этого. Или делала... но так тихо, что я об этом ничего не знал.

Была одна странность, которую я заметил, как только смог посмотреть по сторонам достаточно внимательно. Это пара санитаров, которые постоянно крутились возле Эрны. Всегда разные, но всегда не меньше двух. Иногда ей удавалось от них слинять. Это сразу было видно по тому, как горели ярким румянцем ее щечки и сбивалось дыхание, а также по тому, что она начинала вести себя гораздо свободнее. Но продолжалось это недолго. Выждав почтительную паузу в несколько минут, охранники, а точнее, их звуки и неповторимый запах оружейной смазки, появлялись рядом...

Как-то при мне глухо упомянули о близком родстве Эрны с начальницей госпиталя и о нескольких скандалах в Столице с ее участием. Причина, конечно, достаточная для того, чтобы убрать девушку подальше. Но чтобы в этом «подаль-

ше» приставлять к ней такую плотную охрану... В принципе мне было глубоко начхать, есть там у нее охрана или нет. Они не мешали мне жить. И вообще вели себя исключительно скромно. Поэтому я выбросил эту заботу из головы. Тем более что проблемы, причем совершенно неожиданного свойства, у меня все-таки были.

Постепенно я начал двигаться более уверенно и, как только позволяли обстоятельства, уходил в дальний угол госпитального парка, туда, где ограда была чисто символической. Преодолев это хлипкое препятствие, я оказывался в самом настоящем лесу. Там, вдали от всех, я истязал свое тело тренировками, восстанавливая ту физическую форму, к которой привык. Присмотренная мною поляна находилась прямо у подножия шумного водопада. Почти точно в центре поляны стоял красивый черный валун метров двух высотой с надписью на неизвестном языке. Эта глыба придавала ей вид древнего капища. Именно там мое новое телознакомилось с неизвестными ему тонкостями Движения. Тут-то меня и поджидал главный сюрприз этого мира. Во время тренировок тупая головная боль, так изматывающая меня, уходила, оставляя взамен себя тихую звенящую пустоту. И пустота эта завершала каждое мое движение невероятным выбросом энергии.

В искусстве боя я уже давно не был учеником. Но того, что у меня теперь получалось, я думаю, не мог даже мой Учи-

тель. Очень часто мне приходилось собирать все мое умение, чтобы просто контролировать происходящее. Иногда появлялось ощущение, что я лечу на огромной скорости через плотный лес на мотоцикле и не могу остановиться. Поначалу приходилось следить за каждым движением, чтобы не разрушить все, к чему я просто прикасался. Но постепенно я осознал, что могу управлять этой силой. Все оказалось до обидного просто. Чем старше становилось мое прежнее тело, тем больше я полагался не на мышцы, а на энергетику, компенсируя таким образом старение организма. А в этом мире энергии было столько, что использовать ее можно было только крохотной струйкой. Вот только была одна проблема. Вам никогда не приходилось видеть, как вода течет через маленькое отверстие в основании высокой плотины? Эта тонкая струйка способна резать металлический лист, словно бумагу. В общем, даже очень мало – это все равно было слишком.

Происходило так, вероятно, потому, что место, в котором я оказался, находилось практически в центре звездного скопления. И количество жизненной и прочей энергий было поистине огромным. Местные жители, выросшие под этим прессом, имели энергосистему, похожую на гидростанцию. Они могли использовать сотые доли процента энергии и при этом не перегорать, как бытовая лампочка в высоковольтной сети. Именно это и произошло бы со мной, окажись я здесь в своем старом теле. Ведь в отличие от аборигенов, мою энер-

госистему можно было бы сравнить с парусами для тихого ветра. Но то, что произошло, было редкостной удачей лично для меня: в мощную и приспособленную для местной нагрузки шкуру вставили мозг, умеющий накапливать большие запасы из ничего и знающий, как их использовать.

Я старался максимально полно освоить неожиданный дар. Сначала пытался проделывать то, что уже умел, но на новом уровне, а затем на этой основе открывал для себя совершенно новые вещи.

Многое из того, о чем я читал или слышал, у меня не получалось. Кое-что из того, что я делал, не было описано нигде. Но я с радостью осваивал этот новый для себя мир. В свое время мне пришлось перелопатить большое количество оккультной и околوماгической литературы. В попытках отделить зерна от плевел я даже ходил на консультации к ребятам из отдела «М-9», которые занимались всем этим. Но тогдашние мои выводы никак нельзя было назвать утешительными. В лучшем случае, если человек не был шарлатаном, он накапливал в себе или в подвластных ему структурах – камнях, металлах или ноосфере – какое-то количество энергии, которое затем использовал. Бойцы в основном работали с собой, остальные – со стихиями. Все прочее было скорее из области психиатрии, престидижитации или откровенного шарлатанства.

Столкнувшись с энергопотоками, на много порядков превосходящими все, что я мог встретить у себя дома, я взгля-

нул на эту проблему под совсем другим углом.

Те рецепты, которые я тогда забраковал ввиду их полной, как мне тогда казалось, бредовости, здесь работали! Непонятно только, откуда эта информация появилась в нашем мире. И еще я заметил, что в моменты наивысшего накала духа, например, в некоторых боевых режимах или просто в ярости, я делал то, о чем никогда не мог читать или знать. Возможно, таким образом происходил качественный синтез старой информации и нового знания.

Например, мне наконец-то удалось проделать фокус, который показал мне один из моих учителей. На мгновение делать твердое – жидким и наоборот. Теперь я мог без усилий разбить рукой камень, разбрызгав его, словно пакет с водой.

В общем, скучать не приходилось.

Четыре, иногда пять часов интенсивных занятий, и я возвращался в госпиталь, вполне естественно шаркая ногами и вызывая приступ жалости даже у выдавших виды медсестер.

Время шло, и я перестал задумываться о странном повороте галактической рулетки, забросившей меня на эту планету. Тем более что здесь мне нравилось куда больше, чем дома.

Мой новый мир был размером примерно с мою родину, но несколько больше. Вращался вокруг звезды класса «Голубой гигант». Аборигены назвали его Алонис. Здесь тоже не очень много суши, а воды значительно больше. Четыре

материка и три крупных материковых острова. Климат – в основном тропики и субтропики. На экваторе очень жарко, а полюса умеренно холодные, с частичными зонами ледников. По всей планете много лесов и озер. День и ночь чуть короче, чем на Земле, а вот год длиннее из-за более высокой по отношению к местному солнцу орбиты.

Отдельная история была с переводом местной системы мер и весов к понятным мне соотношениям. В итоге, я просто посчитал все от нескольких известных мне констант. Скорость света и некоторые другие постоянные, как мне показалось, величины, стали основой для сравнительных оценок двух миров. Получалось, что гравитация Алонис процентов на тридцать выше земной. Связано это было не только с большими размерами планеты, но и ее более высокой плотностью.

Огромное количество природных ископаемых в основном рудного типа составляет главное богатство Алонис. Ртуть, золото, ванадий, германий, ниобий и многое другое, что на моей родине относится к классу редкоземельных, тяжелых или драгоценных металлов, здесь в порядке вещей. А вот нефть, уголь и вообще углеводороды – напротив, редкость. Но это, кстати, пошло только на пользу экологии планеты. Миниатюрные ленточные, точечные и прочие реакторы успешно заменили все вонючие двигатели внутреннего сгорания.

В плане развития техники все было почти как у нас, за

исключением того, что мы только-только подошли к решению проблемы гравитации, а здесь легкие аппараты на антиграв-подушках были в порядке вещей. Правда, стоили они баснословно дорого. Компьютеры, впрочем, были исключительно аналоговые.

Еще были несущественные отличия в технологии производства пластмасс, да и то в силу небольшого количества природных источников сырья.

В общем, мир как мир. Политическая карта давно устоялась и до сих пор не перекраивалась. Шестьдесят пять государств, из которых три по-настоящему большие, а остальные калибром помельче. И еще – война. Видимо, как и во всех мирах... Арлинг Аа, один из материковых островов, затеял войну против Киит ратс, одной из трех супердержав. И затеял, надо сказать, вполне успешно, так как фронт быстро передвинулся из равнинной части вглубь континента. Теперь война в перспективе угрожала и остальным странам. Но они, естественно, не спешили ввязываться, надеясь выгадать наиболее благоприятный момент для вступления в конфликт. Строго говоря, с точки зрения геополитики эта война была не совсем логична. У небольшого островного государства в принципе не было никаких шансов удержать завоеванную землю. Даже если представить себе, что маленькое и не очень богатое государство чудом победит в войне, неужели остальные сверхдержавы позволят ей воспользоваться всеми сырьевыми богатствами завоеванных территорий?

Странностей у этой войны было много. Жители Ало-нис вообще мало воинственны. А люди страны, в которую я попал, отличались вполне миролюбивым характером даже на этом благостном фоне. Военные конфликты были огромной редкостью. Например, предыдущая война была лет триста тому назад. Причина тому – прежде всего достаточно низкая плодовитость местного населения. Несмотря на историю более чем в 20000 лет, население планеты едва-едва перевалило за три миллиарда. При этом женщин на планете было больше шестидесяти процентов. Следствие – полигамия как норма. Кроме этого, в условиях почти повсеместных субтропиков земля могла прокормить и в десять раз большее население, а природные ископаемые освоены всего процентов на десять. Каждая из стран имела нечто такое, что позволяло ей успешно обмениваться с другими. Короче, экономической основы у этой войны не было. А раз так, то и войны быть не могло. Однако ж война шла. Значит, я эту экономическую основу где-то прозевал...

Моя новая родина первое время терпела поражение за поражением, несмотря на достаточные людские и промышленные ресурсы и некоторое превосходство в вооружении. На момент начала войны у нее не было даже приличной армии. Был военный флот для защиты от контрабандистов, какие-то военизированные полицейские части, пограничная охрана и «Имперская безопасность». Именно они приняли первый

удар экспедиционного корпуса арлинггов. Жители перенаселенного материкового острова Арлинг, ставшие почти поголовно под ружье, с невиданной доселе для этого мира жестокостью принялись уничтожать все, что встречалось на их пути. А Киит ратс, не умеющие воевать и не имеющие инстинкта охотника, гибли сотнями и тысячами. Но со временем бойня, длившаяся уже два с половиной года, научила этих людей сражаться. Недаром говорится, что лучшая академия для солдата – это война. Фронт начал понемногу стабилизироваться. Если Киит ратс продержатся еще немного, то превосходство в ресурсах скажется. И тогда война покажется в обратную сторону. Но, по моим прикидкам, минимум еще два-три года тяжелейших позиционных боев обеим сторонам были гарантированы.

Нашего госпиталя, находившегося в горах на границе с еще одной страной, Истанди, война касалась лишь косвенно. Сюда не доносилась канонада орудий и рев моторов боевых машин. Но периодически приходил транспорт, из которого выгружали то, что еще недавно было крепкими и здоровыми мужчинами и женщинами. И сколько бы я не видел подобных картин и в своей прошлой жизни, все равно привыкнуть к этому так и не смог. А в госпитале, похоже, работали не врачи, а боги. Как иначе объяснить то, что из кровавых обрубков, которые попадали им в руки, за пару месяцев, а в особо сложных случаях за год, они собирали здоровых

людей? Это и в самом деле было похоже на чудо. Помню, в палате напротив жил танкист, у которого нижняя часть тела просто сгорела. Его привезли в специальном контейнере, который заменял ему почти все органы. Так вот, недавно этого парня свинтила военная полиция за жуткий дебош в местном бардаке...

Несмотря на то, что медицина почти стопроцентно возвращала людей в строй, здоровье «родившихся заново» было очень часто только внешним. Люди, испытавшие шок и боль смерти, примерно в трети случаев были неспособны к активной жизни. На все отпущенные им судьбой годы они оставались тихими, задумчивыми старичками. Поэтому никто не удивлялся ни моим долгим прогулкам, ни другим странностям. За годы войны персонал видел и не такое. Естественно, я не мог скрыть улучшение своего физического состояния. Тело почти полностью потеряло жировую прокладку, и мышцы практически пришли в необходимую мне норму. Но я, как мог, симулировал упадок сил, который можно было списать на последствия реанимации.

Как-то вечером ко мне зашла Эрна и, немного запинаясь, храбро объявила мне, что сегодня она возьмет на себя такую ответственную процедуру, как мое вечернее омовение... Хорошо, что в госпитале прекрасная звукоизоляция. В порыве страсти Эрна стонала так громко, что я всерьез испугался за свой слух.

На следующее утро я позволил себе немного поленившись и встал необычно поздно. Медленно и со вкусом принял душ, посмотрел на часы и решил, что еще вполне можно прошвырнуться на кухню за завтраком.

В легкой накидке-дхати больничного покроя я выскочил в коридор и пошел на первый этаж, где находился кухонный блок, не забывая при этом прихрамывать и подволакивать ногу. Проходя мимо холла, я немного притормозил, увидев на экране выпуск новостей. Давали последние известия и фронтовую хронику. В общем, ничего интересного, если бы не сюжет, в котором показали пленных арлингов. Шесть человек в темных серо-коричневых пятнистых комбинезонах стояли плотной группой под охраной конвоя. На фоне видны были несколько сожженных домов и прокопченный гусеничный рейдер. Неожиданно камера взяла крупным планом лицо и глаза одного из пленных. От неожиданности я застыл как вкопанный. Я знал этот взгляд. Холодный и уверенный взгляд профессионального наемника и солдата, провоевавшего всю свою жизнь. Откуда на планете, где практически не было войн, могли взяться профессионалы? Это был еще один вопрос, который мне некому было задать.

С грустными мыслями я продолжил свой путь по больничному коридору и уже подходил к столовой, как навстречу из бокового прохода вышла улыбающаяся Эрна под руку с каким-то парнем в форме офицера-связиста. Я было подумал, что это ее жених, но даже в их бардачной армии врачи

не носили чужих знаков различия.

Увидев меня, Эрна засветилась еще больше. Она подскочила ко мне, взяла за руку и буквально подтащила к этому парню.

– Риди, познакомься, это мой брат Ластор!

– Ты не говорила, что у тебя есть брат...

Я коснулся ладони Ластора в традиционном приветствии. Рука у него была сухая, плотная и шероховатая.

– Он мне брат только по отцу. У нас были разные мамы.

– Калтор, как вы ее терпите? У Эрны с детства отвратительный характер и привычка придумывать различные прозвища. Меня, например, она называла Хасто (щепка).

Ластор был первый, кто произнес вслух при мне мое звание, и почему-то мне это было приятно. Хотя в остальном все было ясно, как день. Вопрос заключался только в том, работает ли Эрна целиком и полностью на контрразведку или совмещает приятное с полезным.

– Ну, так уж и терпеть, – улыбнулся я. – Можно подарить ей эхо, чтоб не зазнавалась.

– Это как это? – Эрна подозрительно нахмурилась.

– Ну, например, называть тебя Арк на (крикливая).

Эрна покраснела и, опустив голову, как-то исподлобья виновато посмотрела на брата. В ответ он ласково погладил ее по щеке, усмехнулся и произнес:

– Ладно, ладно. Зато теперь я знаю, что и на твой острый язык нашелся камешек.

Вдруг Эрна схватила брелок-часы, висевший между ее очаровательных холмиков, поднесла его к глазам и достаточно натурально всплеснула руками.

– О, Ластор, мне надо срочно бежать в операционную. Я сегодня дежурю с доктором Ир-Хасты, а она очень не любит, когда мы опаздываем.

– Беги. А мы с Ша Грангом пока погуляем по парку. Надеюсь, калтор не возражает поскучать со мной, пока ты будешь занята?

Он поднял на меня глаза. Чуть зеленоватые, ясные глаза предельно честного и немного усталого офицера.

Я чуть было не заплодировал. Bravo. Это был высокий класс. Естественно, единственное, что я мог сделать в этой ситуации – не испортить песню.

– Конечно, ардан Ластор! Если только вы немного поможете мне спуститься с лестницы. У меня, знаете, иногда бывают болевые приступы, и мне нужна чья-нибудь помощь.

Никакой помощи мне, естественно, не требовалось. Я уже мог пробежать двадцать-тридцать километров по холмам, густо поросшим горным кустарником, при этом не оцарапавшись ни разу. Но ардан Ластор должен был увидеть во мне боевого офицера, ставшего по нелепой случайности инвалидом и нагородившего вокруг этого кучу комплексов.

– Конечно, с удовольствием! – отозвался «брат» Эрны.

Эрна по очереди поцеловала сначала его, а потом и меня, задержавшись при этом на мне чуть дольше, чем позволя-

ли приличия, и, резко крутнувшись на каблучках казенных форменных туфель, быстро пошла, почти побежала по направлению к операционному блоку.

Мы проводили взглядами стремительно удаляющуюся по коридору гибкую фигурку Эрны, и капитан почтительно и осторожно, как и подобает младшему по званию, взял меня под руку.

Несмотря на дневное время, в парке не было жарко из-за большого шумного водопада и озера, образованных горной речкой. Вода в реке была холодна, как лед, и не было большего наслаждения для меня, чем в жаркий полдень окунуться в кристальную свежесть горного озера.

Мы неспешно гуляли по парку и вели старую, как Время, дуэль. Вот только мой визави вряд ли догадывался, что я играл в эту игру немного дольше, чем он. Примерно вдвое.

– Ша Ластор, как вы полагаете, долго еще продлится эта война?

– Ну, не знаю... Мне трудно судить – я ведь не в центральном штабе служу. Но думаю, долго. Мы ведь только-только стабилизировали линию фронта. Кстати, в этом есть и немалая ваша заслуга. Ваша и ваших солдат.

– К сожалению, ардан, я ничего не помню об этом. История началась для меня в больничной палате. И то, о чем вы говорите, для меня, к великому сожалению, пустой звук. Конечно, я читал о своих подвигах в прессе. И даже как-то видел свое лицо в хронике. Но все это, – я посмотрел задумчи-

во на озеро, – все это для меня просто истории, случившиеся с другим человеком.

Мнимый брат Эрны от нетерпения заглянул мне в лицо.

– Вы, что, совсем ничего не помните?

– Ластор, я даже говорить и ходить учился заново!

Самым забавным в этой ситуации было то, что я говорил правду. Только не всю. Но и не врал. Это было главное. Чем черт не шутит – вдруг они подослали ко мне сенситива. А эти парни чувствуют ложь за километр.

Немного разочарованный, Ластор замолчал. Мы молча шли по тенистой тропинке вдоль озера. И когда молчание стало набухать, как грозовая туча, я решил, что моя очередь делать ход.

– Ластор, вы ведь специально приехали поговорить со мной?

От удивления у бедняги даже шаг сбился.

– Да нет, просто я давно не виделся с сестрой и был неподалеку по делам службы, вот и решил заехать. А почему вы так думаете?

– Просто в свое время Эрна мне многое о себе рассказала, в том числе и о своем первом парне, и о массе других интимных вещей. И если она ничего не рассказала о вас, то возможны только две причины. Первая – у неё никогда не было никакого брата.

К этому моменту Ластор уже вполне овладел собой и даже немного хохотнул вслед моим словам.

– А какая же вторая причина?

Мы уже никуда не шли, а просто стояли в самом глухом месте парка друг против друга, словно готовясь перейти от слов к делу.

– Ну, это совсем просто. Если у неё все-таки был брат, и она смолчала о его существовании, то этому может быть опять же только одно объяснение.

– Какое же?

От удивления он даже слегка замер. Нет, мальчик, тебе еще учиться и учиться...

– Эрна смолчала бы о вас только в том случае, если б имела на это самые веские основания. Например, род ваших занятий. В любом случае, мы приходим к одному и тому же результату. Вы из разведки ардан или из Безопасности. В отличие от ног, голова моя в полном порядке.

Я помолчал.

– Говорите, ардан, зачем пожаловали! Иначе я всем расскажу о вашем визите, и тогда вас не допустят даже наклеивать марки на конверты...

Ставший мгновенно красным, как раскаленная болванка, готовый вот-вот взорваться, Ластор вдруг как-то сразу осел, словно из него выпустили воздух. Прислонившись спиной к стволу дерева и глядя куда-то через мое плечо, он начал рассказывать.

– По приказу алго Ритона вас вызвали из подразделения в научный центр Адисти. Это совершенно секретный объ-

ект, подчинявшийся непосредственно алго. Во время вашего пребывания в центре на него неожиданно совершила налет авиация арлинггов. Естественно, никакой зенитной защиты центр не имел, так как считалось, что арлинги ничего о нем не знают. Ну, в общем, в результате бомбардировки комплекс был почти полностью разрушен, а единственный, кто остался в живых в блоке «Гонпо» – это вы...

Не оборачиваясь ко мне, он достал правой рукой из кармана форменной куртки маленький листок и протянул мне. На фотографии было крупным планом изображено незнакомое мне лицо пожилого человека с крупными чертами лица. Лицо как лицо, только вот складки в уголках рта выдавали характер жесткий и решительный. Я пожал плечами и вернул фотографию.

– Алго Ритон?

– Да. – Офицер кивнул. – Он погиб вместе с институтом. И мы теперь не знаем, ни чем занимался центр, ни откуда была утечка информации. То есть вообще ничего. Единственная наша надежда, может вы все-таки вспомните, что произошло в Адисти во время вашего посещения.

– Сожалею, но ничем не могу помочь.

Я вежливо и немного церемонно поклонился, слегка дернул кончиками губ, словно от боли, и демонстративно оперся о дерево.

Тем и закончилась наша беседа. Мы молча дошли до дверей госпиталя, где Ластор, сухо попрощавшись, быстро по-

шел к воротам, и уже через минуту его флаер взмыл в утреннее небо.

День прошел, как обычно. Только вот Рат Са взялась за меня чуть серьезнее обыкновенного. Уже ближе к вечеру, освободившись от ее процедур и того, что за ними последовало, я все-таки решил не пропускать тренировок и потихоньку слинял в лес.

Сухожилия мои окрепли уже настолько, что я решил попробовать их при полной нагрузке. Ката «Огненного ветра» показалось мне достойной сегодняшнего дня, и я, начав с короткой медитации, целиком погрузился в тягуче-медленное и взрывное движение старого, как мир, Ба-Гуа. Конец ката, жесткая и прямолинейная серия предельно концентрированных ударов, неожиданно не принесла равновесия духа. Я чувствовал, конец должен быть другим. На мгновение я прислушался к себе в поисках ответа, а найдя его, замер в положении Да-дзати, всем телом ощущая зарождение мощного вихря на стыках потоков неба и земли. Но неожиданно что-то изменилось. Обычно Да-дзати позволял сбросить лишнюю энергию. Но вместо этого я ощутил, что меня словно подключили к сети высокого напряжения. Бешеный поток захлестнул меня так, что я почти потерял контроль. Целый океан энергии вливался в меня и спрессовывался адской пружиной. Вихрь раскручивался медленно и неотвратимо, как огромный маховик, а потом все быстрее и быстрее, пока

все мое тело не окутало призрачное голубое сияние. Я еще балансировал некоторое время на равновесии потоков, судорожно пытаюсь сообразить, куда можно без ущерба слить это безобразие, а потом, повинувшись скорее интуиции, чем знанию, резко разорвал кольцо вихря и швырнул его в сторону огромного валуна, стоявшего посреди поляны. На мгновение все замерло. А потом из камня вырвался сноп синих искр, метнувшийся в мою сторону. Я ничего не успел понять, как пламя впиталось в мое тело, словно вода в губку. Я только охнул от гаммы неожиданных ощущений и едва успел отскочить от брызнувшего во все стороны раскаленного добела гранита.

И тут слева сзади кто-то вскрикнул от боли. Еще не остывший от выплеска энергии, я рывком переместился в эту точку, чуть не наступив на бледную, как мел, Эрну. Вид ее был ужасен. Ее белоснежный комбинезончик был весь закопчен, а местами прожжен насквозь. Коленки и локти почернели от грязи. Вероятно, ее швырнуло оземь взрывной волной, а после достало брызгами раскаленного камня. Но как ни ужасна была ее одежда, лицо ее выражало нечто вообще непередаваемое. Ее била крупная дрожь, в лице ни кровинки, глаза полны слез, словно помирать собралась. Нет, вообще-то, я ее понимал. Наверняка ей не слишком часто приходилось видеть такое. Я просто молча стоял, мучительно пытаюсь подобрать какие-то слова, как Эрнэ вдруг встала, мелкими шажками подошла ко мне на расстояние вытянутой руки и, неожидан-

но опустившись на колени, прикоснулась своими нежными, как утреннее солнце, губами к моим черным от пыли ногам.

От неожиданности меня заклинило. Я стоял, как последний идиот, и размышлял, где это я мог прощелкать свои больничные тапочки, вполуха слушая, как она, плача и смеясь одновременно, все поминала какого-то Бикху.

А потом я поднял легкое, словно пушинка, тело на руки и, приговаривая разную ласковую ерунду, понес Эрну в госпиталь, а она все пыталась вырваться, непрестанно молотя бессвязную чушь. Так мы и вошли через задние ворота в приемную часть, где я сдал ее подскочившим санитаркам. Они без долгих разговоров и расспросов принялись хлопотать над ней, а я, отделавшись короткой ложью о молнии, ударившей в валун, побрел в свою палату спать.

Ночь прошла отвратительно. Перед сном я глянул в Сети, кто такой этот Бикху. Он оказался членом местной команды богов. Причем самым воинственным. Своего рода богом войны. Засыпая, я думал о том, как, наверное, хорошо оказаться самым крутым в детском саду...

Первым делом с утра я решил пробежаться до той поляны, где меня вчера видела Эрна. О том, что она могла рассказать в больнице, я не беспокоился. Слишком невероятно звучала бы ее история. А вот вещественные доказательства мне были совершенно ни к чему. Я быстро добрался до ме-

ста и начал с общего осмотра. Примерно треть поляны занимал полурастекшийся валун. Вокруг него, примерно на десять шагов, была выжженная трава в обрамлении поваленных и обуглившихся деревьев. Красота! Ничего себе я вчера порезвился... Запах гари был так силен, что перебивал все остальное. Само собой, я ни на секунду не сомневался, что ни у кого не хватит наглости заподозрить бедного инвалида в сотворенных ужасах. Но для пушей уверенности мне не хватало моей больничной обуви. Ее-то я и собирался разыскать. Лучше всего было бы, если б тапки оказались под слоем расплавленного камня. То есть попросту сгорели. Я осматривал поляну, пока не наткнулся на пару таких же внимательных глаз. В кустах у дальнего края поляны, метрах в двадцати от меня, почти полностью скрытый плотными зарослями, стоял человек среднего роста в грязном зеленом комбинезоне. Естественно, если бы не запах гари и не грохот водопада, я почувствовал бы его присутствие раньше. Поняв, что его заметили, он вышел на поляну, профессионально-небрежным жестом забросив за спину нечто короткоствольное.

– Управление разведки. Ты не подскажешь, что произошло здесь вчера ночью?

– Не знаю, – сказал я медленно и задумчиво. – Вечером гулял возле озера и видел вспышку. Потом сразу раздался звук, похожий на треск грома. Тогда было уже темно, вот сегодня с утра я и решил посмотреть, что здесь произошло.

Он улыбнулся щербатым ртом и махнул кому-то рукой.

Тотчас же на поляне появились еще четверо в таком же замызганном камуфляже. Они даже не стали прятать оружие. Просто вышли с автоматами наперевес, обступив меня полукругом. Судя по состоянию одежды и обуви, ребята протоптали не один десяток километров. Разумеется, ради удовольствия посмотреть на горную полянку с разбитым валуном.

– Вы прилетели утром? – безмятежно спросил я.

– Ну да, а что?

Щербатый подозрительно нахмурился.

– Да нет, я просто думаю, где это вы успели так испачкаться...

Я продолжал сидеть на корточках, и они, стоя вокруг меня, босого и безоружного, ощущали полное превосходство и не спешили нажать на курок. Я слышал их дыхание и чувствовал отвратительный тошнотворный запах, который издавали их комбинезоны. Не то стиральный порошок, не то антисептик. Одно я знал точно. Типов с таким запахом надо убивать как можно скорее. Чтобы сами не мучились и не терзали окружающих.

Я поднял голову.

– Кстати, у нас не говорят просто «Разведка». Говорят «Военная Разведка», «Территориальная Безопасность» и так далее. Просто разведка есть только у арлингов. У вас здесь что, был тайник?

Это был наглый выстрел наугад. И очень характерно, что он попал в цель.

– Ты слишком разговорчив, а, инвалид?

Он поднял голову, как будто хотел посмотреть за горизонт, а его плечо медленно пошло вверх, снимая часть тяжести с ноги, бедро которой сдвинулось назад для удара. Я тихо выдохнул, словно выпускал из груди легкую птичку, и бумажным мячиком мягко кувыркнулся под разведчика, стоявшего дальше всех. Распрямляясь за его спиной, красный дракон взмахнул своим хвостом и, развернувшись, ударил крыльями по воде. Минус три... Нож с чужих набедренных ножен серебряной искрой нырнул в горло четвертого. Щербатый, оторопев, смотрел на то, что еще мгновение назад было его соратниками. Но я недаром избрал на десерт именно его. Одно быстрое движение плечом, и автомат черной рыбкой выскользнул из-за спины прямо ему в руки и забился в конвульсиях, выплевывая сгустки пламени. Целый рой черных пчел широким веером суетливо прогудел в одну сторону, а голова беззубого полетела в другую. Он рухнул, захлебываясь собственной кровью, и, падая, все еще продолжал давить на курок, поливая смертью уже чужой для него мир...

Звук автоматного глушителя был похож на шипение целого клубка рассерженных змей. Хорошо, конечно, что никто не прибежит на выстрелы, но надо хоть кого-то предупредить о высадке разведгруппы. Ведь не пятерых же выбросили. Я бегло осмотрел себя: нет ли на мне пятен крови, и потрусил обратно, сожалея, что так и не обнаружил своих тапок. Похоже, придется сегодня ночью наведаться на склад.

Я так торопился, что выскочил на госпитальную площадь быстрее, чем успел осознать изменения, произошедшие за мое недолгое отсутствие.

На площадке перед госпиталем стояли колесный армейский грузовик, легкий гравиход и невиданная мною ранее толстобрюхая машина, похожая на самолет вертикального взлета. Было еще человек пятнадцать в камуфляжных комбинезонах, удивительно похожих на те, в которые были одеты убитые мной. Я сначала подумал, что это и есть основная часть десанта. А увидев в толпе одного из знакомых мне офицеров-территориальщиков, успокоился. Но что-то все-таки в них было не так. Через мгновение я понял, что. Все солдаты пахли точно так же, как и те, кого я убил на поляне. Конечно, диверсанты могли надеть такую же форму и почти наверняка могли воспользоваться подобным оружием. Но применять для стирки комбинезонов точно такое же моющее средство – это, по-моему, слишком.

Обходя этот базар по периметру ограды, я мучительно думал, что же мне со всем этим делать. И тут я натолкнулся на Рат Са. Она громко спорила о чем-то с невысоким плотным офицером в погонах алго да-ри (генерала территориальной контрразведки). Я уже почти проскользнул мимо, когда сквозь крики и гомон услышал имена: мое и Эрны. Неясное предчувствие почему-то сразу сжало мое сердце, и я подошел к ним.

– Гранги, где ты был?..

Я пожал плечами.

– Гулял. А в чем дело?

– Десант! – Она выдохнула это слово, как люди говорят о страшном суде. – Я боюсь, с Эрной что-то случилось. Мне сказали, ты принес вчера ее всю обожженную, санитарки мелют какую-то чушь про молнию, тут еще ты пропал, а с утра я пришла, а ее нет, мне сказали, якобы она увидела из окна, как ты уходишь, и побежала за тобой. Кто-нибудь вообще мне скажет, что тут происходит?!!

Она сыпала словами, словно крупой, и я несколько секунд осмысливал их, прежде чем ответить, но меня неожиданно прервал генерал.

– Это тот самый потерявшийся больной?

Рат Са кивнула.

– Ну и девочка ваша найдется.

– Вы не понимаете! Она уже давно должна была прийти. С ней наверняка что-то случилось...

Генерал терпеливо, видимо, уже в который раз, произнес.

– Мы обязательно найдем вашу девочку. Я уже послал на поиски своих людей. А пока я должен увезти вас в город, пока это не кончится.

– Никуда я не уеду! Это мой госпиталь, и здесь мои люди...

Я решил вмешаться.

– Алго, можно я попробую ее уговорить? – Я повернулся

к ней и добавил: – Ратти! На два слова, можно?

Она посмотрела на меня, как на слабоумного. Потом, видимо, вспомнила, что она все-таки врач, и неловко улыбнулась.

– Ратти, ты знаешь этого парня?

Я говорил тихо, но внятно, совсем не желая, чтобы наш разговор подслушал стоявший недалеко от нас генерал. При этом я медленно вел ее к госпитальным дверям подальше от солдат.

– Нет, конечно. Но перед его приездом позвонил калтор да-ри Ша Риги...

– Этот? – Я кивнул на стоявшего неподалеку человека, которого сам знал как сотрудника «да-ри» – территориальной контрразведки.

– Да, это он...

– Ратти, это арлингги!

– Что за чушь, я знаю Риги много лет...

– Ратти, подумай внимательно, что может быть нужно арлинггам в нашем чертовом госпитале. Ну!

– Почему ты решил, будто это арлингги?

– Да потому, что пятерых я уже прикончил.

– Ты?! – Она криво улыбнулась. – Да ты даже ходишь с трудом!

Я уже довел ее до почему-то безлюдного сегодня госпитального холла, где стояла операционная тележка с хирургическими инструментами под белой тканью.

– Если я докажу тебе, что ты не права, ты мне поверишь?

Снова кислая улыбка, кивок головы.

– Интересно, как ты это сделаешь?

– Стена за тобой из пластобетона?

– Да...

– Ты знаешь кого-нибудь, кто мог бы пробить в нем дыру?

– Это невозможно, ты сам прекрасно знаешь. Если нам нужно что-нибудь повесить, мы это просто приклеиваем.

– Смотри!

Я откинул с каталки белоснежное, остро пахнущее анти-септиком покрывало, и взял большой нож для вскрытия. Потом медленно выдохнул, словно выдавливая воду из легких, и коротким дугообразным движением послал его в стену. Сухо звякнув, нож до середины лезвия вошел в бетон.

Беспомощно оглянувшись и не веря своим глазам, Рат Са подошла к стене и, взявшись за рукоятку ножа, потянула его на себя. С таким же успехом она могла тянуть на себя замурованный крюк.

Я шагнул к ней, взял ее руками за плечи, развернул лицом к себе и слегка потряхнул, приводя в чувство.

– Теперь ты ответишь на мой вопрос?

Она кивнула.

– Им, скорее всего, нужна Эрна.

– Зачем?

Ратти помолчала и, глядя в пол, произнесла:

– Она единственная дочь Ша Дарха...

Я тихо выдохнул. Мать Божья! Просто заповедник непуганых идиотов.

– Дочь Императора работает простой санитаркой?

– Нет, ее убрали сюда потому, что уже было несколько попыток похищения.

– А как же рассказы о пасторальном детстве на ферме?

– Это не ферма. Она выросла в родовом имении Дархов на Аса ло Тир.

– А почему этот урод хотел увезти и тебя?

– Эрна моя дочь...

Я опешил от неожиданности.

– Ты императрица?!!

– Нет.

На этот раз ее улыбка была просто усталой.

– Я всего лишь мать единственной наследницы престола.

О боги, ну я и влип.

– А где ваша охрана и тому подобное?

– Лидор и его люди отправились на поиски Эрны еще с утра.

Я задумался.

– Слушай, здесь наверняка есть бомбоубежище?

– Что-что?

Она нахмурилась.

– Ну, место где спрячутся от авианалета, – пояснил я то-ропливо.

– Нет, только подвал, где стоят реаниматоры.

– Сколько вам нужно времени на эвакуацию?

– Как только поступило сообщение о десанте, все больные и персонал спустились туда.

– Так, – твердо произнес я. – Бегом в подвал и не высовывать носа, пока все не кончится.

– Но я не могу бросить Эрну одну.

– У тебя есть рота морских пехотинцев?

– Нет, но и у тебя нет роты.

– Я сам, как рота.

– Тогда у меня есть ты, – сделала логичный вывод Рат Са.

Я начинал потихоньку закипать, а это было плохо.

– Послушай, тогда твоя рота пойдет и немного повоюет, а ты прикинься, пожалуйста, черной тряпочкой в темном углу и постарайся не отсвечивать.

– А чем будет воевать моя доблестная рота? Этим?

Она хмуро кивнула на хирургические инструменты.

– Могу и этим. А у тебя есть идеи получше?

– Есть!

Опершись одной рукой, она легко перебросила тело через стойку дежурного и шагнула к шкафу с лекарствами. Я предположил, что мне предложат сражаться с помощью аптечных пузырьков, но когда полка с медикаментами крутнулась на невидимой оси, открывая полость второго дна, я даже оторопел от обилия предметов для убивания себе подобных.

То, что вынула Рат Са из чрева безобидного на вид шкафчика, немало меня поразило. Такой штуки моя богатая прак-

тика еще не знала. Большой, да нет, просто огромный пулемет или даже небольшая пушка. Я успел лишь подумать о том, какая отдача должна быть у эдакого монстра, как с площади перед госпиталем раздался знакомый голос Эрны. Не голос, а, скорее, жалобный вскрик. Я только успел выдохнуть: «Рагги, прикрой!» и выскочил наружу.

Я видел, как беспомощно отбивавшуюся Эрну волокли к той самой странной машине, которую я принял за самолет вертикального взлета. Времени у меня было лишь на то, чтобы одним ударом кодовой фразы вогнать себя в состояние дхати. Плата за состояние чудовищного ускорения – порванные мышцы и связки, пережатые нервы – все это будет потом. А пока мое тело скользило по бетону, почти не касаясь его, и звеня тонкой струной смерти.

Я влетел в толпу, окружившую самолет, словно снаряд. Руки сами, будто у них появился свой разум, раскрылись крыльями, унося в смерть двух солдат. Потом были еще и еще. Кто-то кричал, кто-то пытался стрелять, но мое движение было за гранью их восприятия.

Этот карнавал был не только моим. За моей спиной, там, где был центральный вход, громко ухнуло, и прицелившегося было в меня солдата разорвало пополам. Не утруждая себя убивать всех, я убивал только тех, кто преграждал мне путь к самолету, куда утащили Эрну. Прорвавшись наконец к закрытой двери, я ударом обеих ног в прыжке вогнал ее

внутри, успев услышать предсмертный хруст чьих-то костей, и оказался лицом к лицу с тем самым парнем, на котором был мундир генерала. Он держал Эрну за волосы перед собой, а его пистолет смотрел девушке в затылок. Грамотно смотрел, снизу и чуть сбоку. И он был чертовски напуган, этот козел. Внезапно глаза Эрны закатились, и она обмякла в его руках, на долю секунды открыв его голову. Во мне что-то щелкнуло. Мгновенная дрожь пробежала по моему телу, заставив сердце на миг сбиться с ритма, и, словно в моих ладонях была какая-то жидкость, я сделал жест, будто плеснул ее ему в лицо.

Я хотел всего лишь отшвырнуть его в сторону энергоударом. Но что-то, видно, закоротило в Датском королевстве.

Бледно-лиловый шар, сорвавшись с моих пальцев, влетел ему в лоб, на мгновение окружил голову призрачным сиянием и взорвал ее, словно гранату, разбросав вокруг кровавые ошметки.

Летчик, заляпанный багровой кашей, пытался что-то сорвать у себя с пояса, когда удар моей ладони превратил его горло в плоский блин. Ломая пальцы, я выдернул из руки самозваного генерала пистолет и поспешил скорее наружу, где по моим расчетам еще кто-то оставался.

Но врагов уже почти не было. Только трое залегли за флаером и осторожно отстреливались от Ратти, бившей прямо из полутемного холла больницы. Солдаты находились на ярком солнце, и, кроме черного провала, ничего видеть не могли.

Тогда как Рат Са прицельным огнем постепенно превращала флаер в кучу железа. На моих глазах в темноте за остатками дверей что-то вспыхнуло, потом рывкнуло так, что заложило уши, и неосторожно высунувшегося солдата просто разорвало в кровавые клочья. Я не стал продолжать их дуэль и, вскинув оружие, пристрелил оставшихся в живых. Ничто вокруг не шевелилось и вообще не подавало признаков жизни. Я устало опустился на лесенку трапа. И тут внезапно в глазах все поплыло, и я отключился.

Очнулся я оттого, что кто-то осторожно смачивал мои губы водой. Я попытался что-нибудь сказать, но у меня ни хрена не вышло. Вместо слов я издал какой-то хриплый звук, похожий на скрип ржавого железа по битому стеклу. Потом я попробовал сдвинуться немного в сторону и решил, что связан по рукам и ногам.

Понемногу сфокусировав зрение, я увидел прямо возле меня Эрну с мокрой тряпочкой в руках. Она что-то весело щебетала, но я не мог ее понять, ибо отяжелевшая голова гудела, словно в ней поселилась авиационная турбина. Погоревав немного о том, что в такой маленькой и бестолковой голове живет теперь такая шумная штуковина, я вновь провалился в беспамятство. А потом я снова очнулся, и снова ненадолго. Но теперь я успел разглядеть и комнату, в которой находился, и неизменную Эрну у изголовья моей кровати, и двух здоровенных мужиков в темно-синих мундирах,

пасущихся здесь же.

Зажило на мне все, как на собаке, быстро и почти без последствий. Наверное, помогло то, что за мной теперь ухаживало сразу несколько врачей и медсестер. Суета вокруг моего ложа немного утомляла меня, но я не мог не отметить высокой эффективности их действий. Некоторое время донимал позвоночник, но и он вскоре перестал болеть.

Через несколько дней я понял, что смогу ходить самостоятельно. Дождавшись отсутствия докторов и добровольных сиделок, я сделал попытку подняться с кровати.

Я ожидал, что те здоровые мужики, которые постоянно дежурили в моей палате, как-то помешают мне встать или хотя бы попробуют это сделать. Но рука, тщетно и неловко искавшая опору, вместо мягкой ткани постельного белья встретила твердую, как камень, плоть. С трудом повернув голову, я увидел, как один из двоих находившихся в палате офицеров встал на одно колено рядом с кроватью так, чтобы я мог опереться о его плечо. Его рука быстро, но без лишней суеты скользнула мне на спину и помогла сесть. Так же быстро и молча другой офицер заглянул мне в глаза и, поняв, что я хочу встать, помог спустить ноги с кровати и обуть легкие сандалии. Потом, подперев с двух сторон, они синхронно подняли меня на ноги. Все это было проделано так быстро и с такой сноровкой, что я не успел понять, как оказался на ногах, а на плечах уже лежала плотная накидка.

Оба офицера были выше меня, значительно шире в пле-

чах и, судя по тому, как легко они меня держали, обладали огромной физической силой. Я стоял, покачиваясь, и незаметно проверял работоспособность своего тела. Все было на удивление неплохо. Кости – порядок. Мышцы – немного тянут, но пока сойдет. Ливер тоже вроде бы неплохо. Энергоканалы? Стоило мне приоткрыть внутренние шторы, как в меня полился такой сильный и чистый поток жизненной энергии, что чуть искры из глаз не посыпались. От неожиданности меня зашатало и, если бы не помощники, я бы упал. Я помотал головой, отгоняя мгновенно налетевшую дурноту, и крепче встал на ноги.

– Погуляем?

Это подал голос тот, который был постарше. Скосив глаза, я увидел на его плечах погоны эхора (полковника). Второй, молодой капитан, стоял молча.

– Ну, погуляем, – проскрипел я.

– Парк? Анфилада? Библиотека?

– Чего?! Черт, где я нахожусь?

Бровь полковника медленно и вопросительно изогнулась, напоминая спину удивленной кошки.

– Это Таи Гат! – со значением произнес он.

– Ага... Резиденция императора. – Я помолчал, переваривая сказанное. Ясно. Благодарность папани за спасение единственного чада. – Тогда в парк. Слышал, у вас здесь великолепные фонтаны?

Ничуть не удивленный полковник утвердительно кивнул.

– Да. Но, к сожалению, всего комплекса сейчас мы не сможем увидеть.

– Что, ремонт?

– Нет. Император принимает официальную делегацию Истанди.

– Ну, тогда пройдемся где-нибудь с краю. Не помешаем?

– Да нет, наверное... Парковый комплекс очень большой.

С этим мы и двинулись. Лифт поднял нас с приличной глубины на поверхность. Потом короткий, явно служебный коридор, и я оказался в красивом и тщательно ухоженном парке, окружавшем дворец Императора.

Я обернулся и замер. Великолепный дворец, настоящее чудо, возвышался надо мной сказочной башней. Больше всего он напоминал вихрь из драгоценных камней. От яркого солнца он искрился каким-то колким праздничным светом. Я сразу подумал, что ночью, в свете звезд он будет смотреться просто фантастически. Но и днем здесь было на что полюбоваться. Огромное количество ярких звезд даже днем придавало небу вид занавеса, плотно расшитого жемчугом. На этом фоне и сам дворец был похож на феерическое звездное скопление. Клянусь, ничего красивее в своей жизни я не видел! Налюбовавшись видом дворца, я потихоньку продолжил прогулку, время от времени оборачиваясь на это чудо. Несмотря на полуденное солнце, было не жарко, и я понял, что нахожусь теперь гораздо севернее, чем раньше, или просто рядом с побережьем.

Мои спутники молчали. Молчал и я, наслаждаясь прохладным свежим воздухом и окружающим меня видом. Так мы шли к фонтанам, нарушая тишину лишь шорохом гравия. Фонтаны были действительно прекрасны. Большие и маленькие, высокие, как пирамиды, и искусственные водопады – они искрились и переливались, словно жидкий хрусталь.

Поначалу я немного хромал, но потом постепенно разошелся и начал передвигаться без посторонней помощи.

«Сигарету бы сейчас!» – подумал я мечтательно. Но на Киит ратс, к сожалению, не курили. Что-то похожее у них было. Они размельчали листья какого-то растения в тонкую лапшу и жевали. Я пробовал заворачивать это в бумагу и поджигать, даже пожевал немного... Брр!!!! Жуткая гадость. А запах... В общем, если вы пробовали курить сушеное дерьмо, вы меня поймете.

Вот так мы ходили и молчали, пока за одним из поворотов неожиданно не открылась перспектива огромного пространства с многоярусным фонтаном в центре.

Возле фонтана стояла пестро одетая группа людей. Точнее, две группы. Киит ратс в свободно развевающихся хатти желтого и оранжевого цветов, а истандийцы в белоснежных балахонах.

Мы стояли достаточно далеко от них, и я не мог слышать, о чем они говорили. Но было хорошо видно, что почти все истанди – женщины, кроме двоих – старика и совсем под-

ростка, непонятно, мальчишки или девчонки. Да неважно. Зато хорошо было видно другое. Одна из женщин, стоявшая ко мне спиной, сделала неловкое движение плечами, и я увидел между ее лопатками некий удлинённый предмет, блестящий в складках платья. Предмет был небольшим, примерно в ладонь. Я колебался доли секунды, а потом как можно более будничным тоном спросил полковника:

– Интересно, для чего нужно прятать под одеждой какие-то вещи?

Тот помолчал немного, а потом произнес, внимательно ощупывая взглядом делегацию Истанди:

– Я думаю, ты ошибаешься. Истандийцы не могли пронести оружие. Не говоря о сканерах на входе... Да зачем им это? Мы единственная страна, с которой Истанди в более или менее приличных отношениях.

– Слушай! – Я повернулся к полковнику. – Мне не известно, для чего человек идет на прием, пряча на спине на специальных ремнях длинную тонкую трубку. Но я тебя уверяю, это наверняка не зубочистка, хотя я и не знаю, что именно. Посмотри! Третья справа, с высокой прической...

Полковник некоторое время приглядывался, потом вдруг почему-то вспотел и, подняв руку ко рту, что-то коротко произнес в коммуникатор. Вроде ничего не произошло. Но один из стоящих рядом с Императором переместился сначала немного в сторону, а потом так, что закрыл его почти полностью. Подобные движения совершили и остальные.

Одобрительно глядя на это, я отметил две вещи. Охрана Императора была многочисленной и высокопрофессиональной. Забавно, что в ответ истандийцы отреагировали адекватно и тоже вполне профессионально. На моих глазах и истандийский посол с малышом неразличимого пола, и Император Дарх оказались в плотно захлопнувшихся коробочках из охранников. Сопровождающий меня офицер немного наклонился вперед, словно прислушиваясь, а затем обернулся ко мне.

– Император просит тебя подойти, – сказал он удивленно. Ну не гулялось мне спокойно...

Поплотнее закутавшись в полы хатти и придав себе, как мне хотелось думать, более или менее пристойный вид, я решительно похромал к Императору и послу, надеясь своим присутствием разрядить обстановку. Обе группы напряженно ждали, пока я подойду.

Нарушая все нормы дипломатического протокола, я произнес громко и насколько мог внятно, с трудом ворочая языком:

– Император, можно мне задать вопрос послу?

– Обращайся к принцу А Хат, незнакомец!

Это подал голос старик. Ага, стало быть, подросток, стоящий рядом с ним – наследный принц Истанди. Только мне-то глубоко плевать, принц он там или не принц. Для меня он просто большеглазый мальчишка, с любопытством выгляды-

вающий из-за спин своих телохранительниц.

– Принц, – начал я, – разреши мне обратиться к одному из твоих людей.

– И ради этого...

Я не дал старику договорить.

– Ты! – я указал на девушку, под балахоном которой увидел странный предмет. – Подойди сюда.

Девушка на негнущихся ногах приблизилась ко мне.

– Повернись спиной! – скомандовал я.

Нет, конечно, я не ожидал, что девушка покорно предоставит мне возможность обыскать ее. Но она молча подошла, присела, и вдруг резко, винтом подскочила вверх, в прыжке выхватив из-за плеча ту спрятанную штуку и одновременно разворачиваясь лицом к Императору.

Дождаться ее приземления было опасно. Я ударил вверх ребром стопы, буквально воткнув ее в тело девушки, взвился в воздух, развернулся, схватил девушку за волосы, швырнул тонкой шейкой на коленный сгиб и резко крутанул голову вбок. И вот уже ее тело, смятое, словно тряпичная кукла, ткнулось в зелень газона, слегка скрипнув при ударе сломанными костями. На долю секунды я замер над телом в позиции «ждуший журавль» и только убедившись, что она мертва, позволил себе расслабиться.

Немая сцена. Император подошел к труп, присел на корточки и перевернул его на спину. Мокрыми от крови руками, он пытался выдернуть из ее кулака длинный серебристый ци-

линдрик. «Не брезгливый» – с каким-то неясным удовлетворением отметил я про себя.

Самым удивительным было то, что все присутствующие – и истандийцы, и Киит ратс, – судя по их хмурым, но понимающим взглядам, прекрасно знали, что именно за предмет попал в руки несостоявшейся террористке. И старик, сопровождавший принца, тоже знал. Он смотрел на безобидную с виду палочку с мрачным спокойствием, очевидно, прекрасно понимая, что именно могла сотворить такая штучка. Зато я, изучивший досконально все оружие этого мира и способный назвать по памяти все характеристики любого ручного и не очень вооружения, понятия не имел, что за подарок она там припасла. Интересно...

Не став дожидаться развития скандала, под шумок и уже в одиночестве, я побрел обратно к себе в палату.

По дороге, вспоминая террористку и ее прыжок, я не мог не отметить любопытной техники, продемонстрированной покойной. И тут же с запозданием подумал, что никогда ничего и нигде не читал о боевых единоборствах мира Алонис.

А вдруг у них нет ничего подобного? Если так, то я здорово засветился. Спустившись на уровень дворцового госпиталя, я первым делом засел за терминал Сети. То, что было мной обнаружено в разделах спортивных единоборств, иначе, как убожеством не назовешь. Некоторые спортивные дисциплины типа силовой борьбы или боя на ножах скорее подчеркивали несостоятельность Алонис в этом плане. Черт...

Я ведь обязан был предположить подобную вещь, учитывая аграрно-рудничный аспект их развития.

А потом я долго сидел на кровати, задумчиво массируя ноги и размышлял о превратностях судьбы, которые для краткости назвал просто жопой.

В перспективе меня ждал не знаю, насколько долгий, но уж точно неприятный разговор с Императором Ша Дархом и, наверняка, – беседа с деятелями из местной разведки. Интересно, а пытки они все еще применяют? Занятый этими приятными мыслями, незаметно для себя я уснул.

Разбудил меня вежливый стук в дверь. Три юные грации в модных темно-фиолетовых, расшитых золотом хатти, в сопровождении незнакомых мне офицеров охраны заполнили мою комнату шелестом шелка, запахом свежей зелени и тихими журчащими голосами. Они принесли с собой белоснежный, с иголки мундир, кучу каких-то баночек и ворох салфеток.

Не слушая вялых протестов, с меня быстро, словно с манекена, содрали всю одежду и под руки препроводили в ванную комнату. Там меня вымыли до скрипа, как тарелку в автоматической мойке, и затем выпихнули обратно в комнату. За время моего отсутствия комната преобразилась так, что я узнал ее лишь по рисунку на стенах. Кровать куда-то исчезла, а вместо нее появилось шикарное никелированное нечто типа кресла со всякими подушечками и подпорочка-

ми. Я сразу подумал, что даже пытка в таком кресле, вероятно, приносит наслаждение. Меня с разбегу воткнули в это кресло, ладно хоть не лицом вниз, и началось...

Через некоторое, весьма продолжительное время, я, сияющий и выглаженный, будто воротничок курсанта перед строевым смотром, стоял у высоченных дверей в компании четырех офицеров личной охраны Императора. Новая форма, сидевшая на мне вполне пристойно, опять давила на шею, но к этому омерзительному чувству и общей гнусности окружающего мира, не имеющему права существовать в цивилизованном обществе, я уже давно относился совершенно спокойно.

Ожидание не было долгим. С подобающим случаю солидным шелестом створки дверей распахнулись. Некто лысый и сморщенный в оранжевом балахоне, держа перед собой какой-то свиток, негромко, но звучно и внятно произнес красивым баритоном:

– Ат Хаттори иррисант Каррох калтор ис хор Ша Гранг.

Я даже не могу сказать, что же именно я ожидал увидеть в приемной Императора. Роскошь и богатство? Наверное. Толпу одалисок? Вряд ли, но возможно. Только зал, в который я вошел, был скромн до аскетичности. Белоснежные стены, чуть желтоватый мозаичный паркет и огромный купол, словно потолка не было вовсе. Ни картин, ни статуй. Красотища! Немного портил вид лишь сам Император, си-

девший за немного потертым и весьма обширным столом из неизвестной мне зеленоватой крупноволокнистой древесины.

Задумчиво перебирая какие-то документы на своем монументальном столе, Император, казалось, не обращал на происходящее никакого внимания. Рядом с ним стоял толстый человек небольшого роста, похожий на пивной бочонок. Человек был абсолютно лыс и одет в темно-синий мундир с неразлично-непонятными знаками различия.

Тогда, в парке, я толком не успел разглядеть самого Императора. Но сейчас, когда до него было метров тридцать, я увидел почти совсем седого человека в простой накидке-хатти черного императорского цвета. Крупные черты лица и глубокие морщины. Император просматривал документы, подаваемые ему толстяком через равные промежутки времени и, как мне кажется, даже не обратил на меня внимания. Я постоял еще немного и уже принялся было рассматривать красивую мозаику на полу, как услышал звучный и раскатистый голос:

– Подойди ближе.

Я вдруг понял, что глубина звучания зависела вовсе не от владельца, а лишь от акустики зала. Интересно, а как здесь будет звучать мой голос? А подойти, что ж, это можно... Сапоги противно поскрипывали и громко бухали при каждом шаге, отдаваясь каким-то странным щелкающим эхом. Но с пятого или с шестого шага мне удалось справиться с ними и

приблизиться вполне пристойно – бесшумно.

Император, наконец, бросил свои бумаги на стол и обратил все свое внимание на меня. А я на него. Черты лица, пожалуй, были немного резковаты для того, чтобы быть красивыми в моем понимании. Но зато теперь было ясно, от кого Эрна унаследовала мягкие чувственные губы и пушистые брови. Несмотря на это, глаза у Дарха были пронзительные, как у змеи. Глубоко посаженные и выпуклые одновременно, они были резко очерчены бровями и нижним веком. И было в его глазах столько воли и мудрости, что я почему-то подумал: если не смогу сделать Императора своим другом, то хуже врага не пожелаешь.

Тихо вжикнули сервомоторы, часть пола раздвинулась и из-под него напротив стола беззвучно выскочил стульчик, на который мне и было указано костлявой императорской дланью. Иглы, яд и костры инквизиции – все это промелькнуло пред моим внутренним взором, когда я мягко, словно осенний лист, опускался на такое невзрачное с виду сиденье.

– Твое имя?

– Ша Гранг, Император, – сказал я, прислушиваясь к раскатам собственной речи.

– Нет, я имею в виду настоящее имя.

– У Императора есть повод сомневаться?

Нет, конечно, у тебя миллион поводов сомневаться, но лично мне интересно, что именно для тебя явилось таким поводом.

Император кивнул толстяку, и тот, с улыбкой гиены посмотрев на меня, начал неожиданно приятным и бархатистым голосом.

– С момента начала реанимационных процедур ты бредил на языке, который не смог расшифровать ни один из наших лингвистов. Правда, – он перевел взгляд на Ша Дарха, – реаниматоры сказали (при этих словах Император слегка поморщился, как от дольки лимона – вероятно, речь шла о Рат Са)... – Так вот, реаниматоры сказали, что такое иногда бывает и связано с временными проекциями вселенской Матрицы разума. Но обычно такие больные теряют двигательную и интеллектуальную активность. В твоём случае двигательная активность ничуть не пострадала. Амнезия как следствие травмы была преодолена тобой меньше, чем за два гёи {Один гёи – примерно месяц.}. Очень странно, особенно, если учесть объём информации, прошедший через госпитальный терминал Сети.

А черт, хотел же перебросить данные через анонимный роутер! Да хрен с ним, в конце-то концов...

Тем временем толстяк продолжал список моих «грехов».

Уничтоженная голыми руками диверсионная группа «Кровавое облако», от которой до меня пострадала заградительная дасса морской пехоты и ока военной полиции. Разрушенный валун на поляне и прочее. Не был забыт даже скальпель, воткнутый мною в стену. Но главное, на чем я прокололся, – это просто невероятно – на манере занимать-

ся сексом! Они, оказывается, опросили всех «моих» бывших любовниц, вычислили время и периоды активности и даже любимые позиции. Так вот, ни по одному из этих параметров мы с бывшим владельцем этого тела не совпадали.

Круто. Ну а дальше-то что?

Как раз последнюю мысль я и решил озвучить, прервав говорливого толстяка.

– Чего вы от меня хотите?

Император и толстяк переглянулись. Толстяк открыл рот, но ничего не успел сказать.

– Так как тебя все-таки зовут?

– На вашем языке это звучало бы как А Рей.

– А Рей, А Рей... – Император проговорил мое имя еще несколько раз, словно пробуя его на вкус.

– Рассказывай!

Я и рассказал.

И толстяк и Ша Дарх во время разговора потихоньку поглядывали на свободный от бумажек угол стола. Похоже, там был встроенный детектор лжи.

Через некоторое время Император вопросительно глянул на толстяка и увидел короткий, почти незаметный кивок. Он взял левой рукой кипу бумажек, словно взвешивая ее в руках, покачал на ладони, а потом решительно, как старые дневники, смел их в довольно загудевший агайт. В долю секунды бумаги превратились в неидентифицируемую пыль.

Этаким театральным жестом мне недвусмысленно давали понять, что претензий ко мне не имеют и с радостью уничтожают восемнадцатую копию компромата на меня.

– Ну и что ты планируешь делать?

Я помолчал, подбирая слова.

– Я тут поговорил с ребятами в госпитале. Судя по их рассказам о зверствах арлинггов, я понял, что выбрал правильную сторону в этой драке. У меня есть некоторый опыт ведения боевых действий, особенно специального характера. И если Император позволит, я бы хотел отправиться на фронт.

– Зачем?

– Это я умею делать лучше всего.

Стоя на невысоком холме, на котором располагался мой и штабные купола полка «Небесная Стража», я наблюдал за деловитой суетой. Жилье остальных офицеров находилось немного ниже и представляло собой центр учебного лагеря, лежащего в красивой горной долине. Собственно говоря, учебным этот лагерь стал после того, как я изложил Императору собственную версию решения военного вопроса, а Император предоставил мне все необходимые полномочия.

Началом воплощения этой идеи было посещение тюрем и трудовых лагерей для особо опасных преступников.

Я лично отобрал несколько тысяч ублюдков всех мастей и калибров, антисоциальных типов и маньяков. Злые и агрес-

сивные, недовольные всем и вся, они были тем материалом, из которого я собирался сделать идеальных солдат. Просто, как и все гениальное. (Скромно, правда?) За любое преступление – военно-полевой суд с одним единственным вариантом приговора – расстрел. Или статус национального героя, огромная пенсия и прочие блага, если останешься жив после войны. Правда, был еще один аспект контракта. Если после войны кто-нибудь из них решится на асоциальный поступок, попадающий под судебное преследование, то есть, если захочет вернуться к прежнему ремеслу, схлопочет двойной срок. В половине случаев это означало смертную казнь. Но я сильно сомневался, что последний пункт соглашения когда-нибудь понадобится. С моей помощью в жизни этих ребят будет столько крови и смерти, что, боюсь, они на всю жизнь станут законченными пацифистами. А кое-кто, видимо, до конца своих дней будет носить военную форму. Тоже неплохо для законченного каторжника...

Итак, отобранные мною гады потихоньку сползались в учебный лагерь, ядром которого стала 472-я дасса воздушной пехоты – подразделение того, бывшего Ша Гранга. Я не боялся задушевных разговоров типа «А помнишь?». С помощью Имперской Разведки слухи о бесчеловечном эксперименте, лишившем меня памяти, но наделившем новыми возможностями, разошлись быстро, и на меня посматривали с некоторым страхом и большим уважением. Особенно после того, как я своими руками вырвал из земли здоровенный

валун, мешавший установке жилых куполов. Солдаты, которые пытались его сдвинуть, так орали, подбадривая себя, что я был вынужден выйти из палатки и посмотреть, что случилось. В итоге я стал им помогать и, увлекшись этим делом, не заметил, что они отошли в сторону.

Собственно говоря, 472-я и раньше была не совсем обычным подразделением. Ни по задачам, ни по составу. В ней тоже служили своего рода каторжники, но потомственные. Потомки кохар – тех, кого ссылали в степную зону, чтобы они сдерживали миграционные прорывы единственного на материке хищника – иясси.

Иясси похожи на волка, но размером со среднего медведя. Плодились они в бесчисленном количестве, питаясь рыбой на мелководье океанских болот, а раз в году мигрировали подальше от тропических штормов в более холодный пояс. Не разбирая дорог, они перли на юг прямо через рудничные поселки, оставляя за собой только пыль.

К чести киит ратс, они никогда не пытались уничтожить иясси. Существовал коридор из бетонных плит, по которому звери могли спокойно добраться до горных лесов. Разумеется, те, кто не сдох в давке или от истощения. Видимо, таким образом регулировалась их численность. И не вина зверей, что вместо многих сотен эсри, бродивших по когда-то бесплодной пустыне, теперь на их пути попадались упитанные людишки, чего-то ковырявшие в жухлой траве. К то-

му же иясси обладали весьма изобретательным мозгом. Чего они только не придумывали, чтобы выбраться из коридора и добраться до вкусного человеческого мяса. Устраивали даже живую лестницу, преодолевая десятиметровую преграду. Вот тут-то и вступали в бой бывшие каторжники. И противопоставить злобным и ловким хищникам они могли только смелость, организованность и волю. Конечно, легкое оружие у них было. Но кто же доверит серьезное вооружение бывшим преступникам или их детям, почему-то не желавшим тихо сеять хлеб или ковыряться в руде, а по выходным нажираться до умопомрачения дешевым иссовым пивом?

Воевали кохар зло и бесшабашно, напоминая чем-то казаков моей снежной родины. Их-то и собрал в одну роту, всеми правдами и неправдами выковыривая из других подразделений, словно изюм из булок, мой предшественник по телу. Собранное таким образом подразделение уже успело попить крови из арлингов, устроив настоящую резню в прифронтальной полосе. Но мне предстояло нечто большее.

С самого раннего утра я собирал офицеров и гонял их до десятого пота. Рукопашный бой, стратегия и тактика малых подразделений, фортификация и минно-взрывное дело. Потом, когда я садился диктовать очередное наставление, за них брались лучшие преподаватели Имперской военной академии. Психология, навигация и вождение транспортных средств, оружие наше и арлингов, и еще десятки дисциплин, без которых офицер не мог считаться таковым. Затем они

шли к сержантам, передавая собранные за день знания, чтобы потом сержанты под руководством тех же офицеров занялись солдатами. Вновь прибывшие распределялись по подразделениям таким образом, чтобы бывшие солдаты становились сержантами и так далее по цепочке. Конечно, моя ударная дасса расплылась тонким слоем по всему полку. Но это был, к сожалению, единственный способ быстро организовать такое большое подразделение. Все эти ухищрения не принесли бы никакого результата, если бы не солидное подкрепление из десантно-штурмовой дассы морской пехоты, отваленной мне с барского плеча Императором, и окки{Окка – взвод. Примерно шестьдесят человек.} военной разведки, выписанной в мое распоряжение приказом того самого толстяка, который присутствовал при нашем с Ша Дархом разговоре – шефом Имперской разведки адзати Рохаром. По-своему очень даже неплохие солдаты, они не шли ни в какое сравнение с подразделениями армейской разведки моей прошлой жизни. Но выбора у меня не было, и я не унывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.